

СЛОВО И ОБРАЗ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

С.В. Байни

С.М. ГОРОДЕЦКИЙ КАК КРИТИК ТВОРЧЕСТВА Н.А. КЛЮЕВА

Крестьянский поэт Николай Алексеевич Клюев в начале своего творческого пути привлекал внимание многих писателей Москвы и Петрограда. Столичным авторам импонировали религиозные настроения, необычная поэтическая манера и сама личность деревенского самородка. В 1910-е годы все еще актуальным оставался призыв Вяч. Иванова искать национальные корни в поэзии, обращаться к глубинным пластам русского народного языка. В свою очередь и поэзия символистов сильно и благотворно влияла на творчество раннего Клюева.

Поэт и литературный критик С.М. Городецкий, близкий к А.А. Блоку и В.И. Иванову, был не только тонким ценителем поэзии Клюева, но и его покровителем и «вожатым» в непростом мире столичной литературы. Он оказался одним из первых, кто отозвался на сборник деревенского поэта «Сосен перезвон», вышедший в 1911 г. (на титуле – 1912). Клюеву очень важно было мнение Городецкого. «Что он [Городецкий] написал (как говорил) обо мне в газете «Речь»?» – спрашивает поэт в письме к Блоку от 30 ноября 1911 г. (Клюев 2003: 192). Отзыв на сборник в указанной газете выйдет в печать 5 декабря. Городецкий назовет «Сосен перезвон» замечательной книжкой, которая «самой глубокой, самой желанной радостью наполнит всех, для кого литература не только упражнение в стилизации и стихи не одно перекатывание разноцветных бисеринок». На фоне однообразных поэтических книг последнего времени книга Клюева «вдруг пронизывается светом, будто внутри знакомых нам слов зажигается огонь» (Городецкий, 1911: 2). В целом, первая статья Городецкого о поэзии Клюева носит комплементарный и довольно поверхностный характер.

Но уже через месяц в газете «Голос земли» выходит другая статья Городецкого «Критические картины. Незакатное пламя», отличающаяся не только более подробным разбором книги, но и резкими выпадами в адрес издательства «В.И. Знаменский и К°», выпустившего «Сосен перезвон».

Статья в «Голосе земли» начинается с сожаления о потерях в крестьянской литературе. Талантливые поэты Леонид Семенов и Александр Добролюбов «ушли в народ», фактически выпали из литературного процесса. Они могли бы стать теми, кто хоть как-то закрыл бы прощать между народом и интеллигенцией, которая существовала в то время. Но 1912 г. подарил России двух других крестьянских поэтов: Сергея Клычкова и Николая Клюева. По мнению автора статьи, первый сборник Клюева «зрелостью своей, психоло-

тической и литературной, сразу поставил его в ряды видных современных поэтов» (Городецкий 1912: 2).

Отметим, что в характеристике Городецкого встречаются некоторые неточности, вызванные стремлением автора к романтизации своего героя: «Клюев – тихий и родимый самый сын земли с углубленным в даль души своей сознанием, с шепотливым голосом и медленными движениями. Живет он на речонке Андоме, в деревне, землю пашет, зори встречает и все песни свои тут же отдает односельчанам на распев в хороводах и на посиделках» (Городецкий 1912: 2).

Клюев действительно жил на реке Андоме в деревне Желвачево Олонецкой губернии. Отец его Алексей Тимофеевич (1842–1918) был сидельцем в казенной винной лавке. А мать Прасковья Дмитриевна (ок. 1851–1913) была, по словам сына, «песенницей» и «плакальщицей». Отец получал неплохие деньги по должности, и необходимости в ведении своего большого крестьянского хозяйства у семьи не было.

Судя по воспоминаниям земляков поэта, творчество Клюева воспринималось односельчанами как «странная профессия». Если ты живешь в деревне, то должен пахать, сеять, боронить, вести свое хозяйство, иначе не выживешь. Но жители уездного городка Вытегры в большинстве своем более положительно отзывались о деятельности земляка, особенно после революционных событий 1917 г., когда Клюев часто выступал на различных митингах и на страницах местной печати. Но и для них поэзия Клюева была не вполне доступна. Так, В.А. Соколов в своих воспоминаниях говорит, что его отец «недавний выходец из деревенской глухомани» знал о Клюеве лишь как о «заключенном тюрем Вытегры и Петрозаводска за революционную деятельность». А объяснить и вообще понять поэзию земляка он не мог» (Клюев 2003: 237–238). Поэтому говорить, что стихи олонецкого поэта звучали в хороводах и на посиделках, значит выдавать желаемое за действительное.

Городецкий резко критикует оформление книги: «На обложке, наверху, написали: Н. Клюев, – и это единственное верное слово на всей обложке. Ибо под ним, буквами, испещренными какими то похожими на икру или вообще на зародышей, кружочками выведено: Сосен перезвон. Что же это такое за сосен перезвон? Почему не перезвон сосен? Зачем тут пролепсис? Московские литераторы непременно захотели выпустить книжку с заглавием, какая же это книжка без заглавия, в самом деле? Сочинить заглавие неволовко, так взяли из песен Клюева два слова и поставили как заглавие. Дальше написано: предисловие Валерия Брюсова. Как же можно выпустить книжку какого-то Клюева без предисловия московского авторитета! Кто ж читать станет! <...> Мало этого; картинку еще нарисовать; конечно, сосны нужно нарисовать. Но кто в Москве умеет теперь соснову нарисовать? По крайней мере, для Клюева не нашлось такого умекущего и той же икрой зародышей, что и буквы, нарисована сосна так, что похожа на елку, а ствол ее – на мексиканскую или египетскую скоропись, – штрих такой» (Городецкий 1912: 2).

В этом гневном пассаже критика заслуживает комментария отношение к заглавию сборника «Сосен перезвон». В кругу Вяч. Иванова подобные конструкции считались верным признаком слашавого «псевдорусского стиля». Особенно упорно боролся с такими выражениями А.М. Ремизов. В рецензии на одну из детских пьес С.А. Малиновской он писал: «Н.И. Монасеина, а вслед за ней и Софья Малиновская, почему-то думают, – впрочем, так думали и думают многие писатели, пишущие по-старине и по-народному, будто старина и народность выражаются особым словарем, расстановкою слов... И не скажут «лекарственные снадобья», а обязательно «снадобья лекарственные»... И конечно: леса дремучие, реки глубокие, луга зеленые» (Ремизов: 63).

По мнению Городецкого, сам Клюев начинается лишь с третьей страницы сборника. Предисловие Брюсова также не понравилось Городецкому, в особенности его определение «прекрасные готические соборы».

Критик всячески старается «опростить» поэта, создать его фольклорный образ, далекий от «городской» культуры. Эпиграф из Ф.И. Тютчева («Не то, что мните вы, природа»), по мнению Городецкого, не является идеей Клюева. Городецкий уверяет, что крестьянский поэт не был знаком с творчеством «любовного» лирика. Однако это не так. Еще в августе 1911 года Клюев в письме к Блоку сообщал об интересе одного московского издательства в напечатании его книги. Клюев пишет: «Озаглавить книгу (стихи) я предлагаю так:

Николай Клюев.
Сосен перезвон.

Не то, что мните вы, – природа!
Ф. Тютчев (Словесное древо: 194).

Если верить письму, то именно Клюев предложил название книги и выбрал эпиграф. Если бы эта инициатива исходила от издательства, то Клюев на это, скорее всего, указал бы.

Но у Городецкого иное мнение. Он продолжает: «Дружеские услуги продолжаются дальше и, когда наконец открывается первая песня Клюева, она оказывается снабженной: 1) заглавием, которого певец ей никогда не давал, 2) эпиграфом из Кольцова, который к ней по прежнему способу приклеен» (Городецкий 1912: 2). Помимо этого, автор говорит об опечатках, странных шрифтах заглавий. Об этом писал и сам Клюев Блоку: «Сейчас получил и «Сосен перезвон» – свою книжку, – изуродованную, с перепутанными стихами, и с не моими заглавиями, с множеством опечаток, и вдобавок с недохваткой многих непонравившихся издателю стихов» (Словесное древо: 194). Это впечатление от книги было почти дословно воспроизведено еще раз в письме к В.Я. Брюсову.

Проводя параллели между Блоком и Клюевым, Городецкий отметил «не формальную подражательность, а подлинное единство темы и единство устремлений», а также «единство метода, темы и ритма у вытегорского мужика и

петербургского модериста!» (Городецкий 1912: 2). Он пишет и об интимных переживаниях в стихотворениях олонецкого дарования «с прямотой настоящего большого лирика». В первой книге уже «ощущается довольно высокое профессиональное мастерство», выработанное благодаря знакомству с ученикам поэтов-символистов (Блока, Брюсова и др.).

Из этой публикации в газете «Голос земли» можно сделать вывод, что Городецкий хорошо знал Клюева и не раз с ним встречался. В характеристике крестьянского поэта уже в основных чертах намечен миф о Николае Алексеевиче, который в дальнейшем будет широко распространен среди интеллигентов Петербурга и Москвы. Так, по мнению К.М. Азадовского, «рождался экзотический образ “народного” поэта, певца-сказителя, носителя “народной души”, живущего единой жизнью с Природой и Богом» (Азадовский: 81).

Постепенно формировалось представление о том, что Клюев – крестьянин по самой своей сути, с детства впитывавший образность старообрядческих песен и сказаний своей матери, а богатство впечатлений получивший от природы. Городецкий в той же статье «Незакатное пламя» называет поэта «блестителем древних песенных заветов и хранителем живого, действенного начала в слове» (Городецкий: 2). Именно такого «певца» и ждали в литературных кругах. А проницательный Николай Алексеевич сознательно развивал этот образ с помощью элементов народной речи, атрибутов крестьянской одежды и стилизованного поведения.

Вскоре отношения между Клюевым и Городецким приобрели конкурентный характер. В письме к А.В. Ширяеву от 3 мая 1914 года Клюев называет рецензию из газеты «Речь» и статью «Незакатное пламя» «зоологически-хвалебными». Городецкий подарит Клюеву свои книги с надписью: «Брату великому слава». Однако как только Городецкий «обнюхал меня кругом и около,— недоумевает Клюев, — узнал мою страну-песню (хотя на самом деле ничего не узнал), то перестал отвечать на мои письма и недавно заявил, что я выродился, так как эпос – не принадлежащая мне область. Есть только “эпос” С. Городецкого. Вероятно, он подразумевает свою “Иву”» (Словесное древо: 220). И Клюев советует своему товаришу по перу не отправлять свои стихи каждому, так как «не может укрыться город, на верху горы стоя» (Словесное древо: 220).

Александр Блок был также разочарован новой книгой, о которой упомянул Клюев: «... вчера я читал “Иву” Городецкого, увы, она совсем не то, что с первого взгляда; нет работы, всё расплывчато, голос фальшивый, всё могло бы быть в десять раз короче, сжатей, отдельные строки и образы блестят самоценно – большая же часть оставляет равнодушие и скуку» (цит. по: Словесное древо: 545). Немного ранее, 2 марта, Клюев писал о том же Брюсову: «Откуда-то вынырнуло и утвердилось понятие, что с появлением “Лесных былей” эпосу Городецкого приведется заяриться до смерти, и Городецкий закатил болотные пялки и загукал на мои песни, и т. д., и тому подобно<е>» (Словесное древо: 218).

В 1911 г. в Петербурге появилось поэтическое объединение акмеистов «Цех поэтов». Первое собрание его состоялось 20 октября. Клюев к этому времени уже уехал в Олонецкую губернию, однако можно с уверенностью утверждать, что поэт знал об этом событии, хотя бы из переписки с Городецким. И Городецкий, и его коллега по «Цеху» Н.С. Гумилев поддерживали молодое дарование из крестьян. Благодаря им стихотворения Николая Алексеевича появляются в периодике, близкой к акмеистам: например, в литературный альманах «Аполлон» за 1911 г. были включены «песни» «Девичья» и «Тюремная».

В альманахе стихи Клюева отличались от произведений других авторов ярко и талантливо выраженным фольклоризмом, и, по мнению критика В. Львова-Рогачевского, этим «многокрасочным песням» было не место на страницах элитарного «Аполлона». Стихи Клюева печатались в первом выпуске литературного сборника акмеистов «Гиперборей» (октябрь 1912), организованным Гумилевым и Городецким. Журналы и газеты сообщали о новой книге Клюева «Плясая», готовящейся в издании «Цеха».

В конце 1912 года происходит разрыв между Клюевым и еще одним человеком, сыгравшим немалую роль судьбе поэта, Ионой Брихничевым. Благодаря ему в свет вышла вторая книга Клюева «Братские песни» (1912). В чем была истинная причина конфликта «братьев», неизвестно. Брихничев отправляет Городецкому и Брюсову статью «Новый Хлестаков. Правда о Николае Клюеве». В ней, в частности, о стихах «олонецкого самородка» говорилось: «Боюсь, что многие из них, если не все являются произведениями не самого Клюева, а какого-нибудь оставшегося неизвестным поэта из народа, стихами которого господин Клюев воспользовался, как обыкновенно пользуются чужой вещью, – и выдал за свои» (цит. по: Словесное древо: 540). Статья, прежде всего, была адресована Городецкому, как одному из самых близких друзей Клюева. Однако ни Брюсов, ни Городецкий, ни Блок (который, скорее всего, был ознакомлен Городецким с содержанием послания) никак не отреагировали на обвинения Брихничева.

В конце 1912 – начале 1913 г. Клюев готовит к изданию третий сборник «Лесные были» и второе издание книги «Сосен перезвон». Городецкий активно помогает ему в корректуре. В письме к издателю К.Ф. Некрасову от 27 декабря 1912 г. Клюев просит посыпать его книги на правку Сергею Митрофановичу, т. к. «он очень близок моим песням, и никто, кроме него, не прочтет их верно» (цит. по: Словесное древо: 202). На клюевском письме Городецкий сделал приписку: «Посмотрю с удовольствием и скоро. С. Городецкий. 27. XII. 1912» (цит. по: Словесное древо: 538).

Клюев просит Некрасова отправить один экземпляр вышедших из печати «Лесных былей» Городецкому, т. к. тот будет писать отзыв для газеты «Речь». Однако отзыв в «Речи» так и не появился, что сильно задело Клюева. Поэт отмечает большой резонанс, вызванный новой книгой: около «70-ти вырезок о себе» и 30 писем, «вот только Городецкий, несмотря на то, что чуть

не собственной кровью дал мне расписку в братстве – молчит и на мои письма ни гу-гу...» (Цит. по: Словесное древо: 225). Этот случай вовсе не означал, что синдик «Цеха поэтов» охладел к своему протеже. В начале 1913 г. Городецкий в статье «Некоторые течения в современной русской поэзии» высказал свой «акмеистический» взгляд на творчество Клюева: «Клюев хранит в себе народное отношение к слову как к незыблемой твердине, как к Алмазу Непорочному. Ему и в голову не могло бы прийти, что “слова – хамелеоны”; поставить в песню слово незначущее, шаткое да валкое, ему показалось бы преступлением; сплести слова между собою не очень тесно, да с причудами, не с такой прочностью и простотой, как бревна сруба, для него невозможно. Вздох облегчения пронесся от его книг. Вяло отнесся к нему символизм. Радостно приветствовал его акмеизм...» (Городецкий 1913: 47). По мнению Городецкого, Клюев ничего не взял от символистов. Возникает вопрос: как можно не принимать во внимание истоки его ранней поэзии, стихотворения, написанные еще до выхода «Сосен перезвон», пропитанные лирическими мотивами и элементами русского символизма? Всеми силами Городецкий старается отделить «народного» Клюева от символистов и сохранить «крестьянского» поэта в поле акмеизма. Ранние стихи поэта лидер нового направления просто объявил подражательными: «Клюев целиком использовал Блока в ранних своих стихах» (Городецкий 1922: 84).

Не оспаривая определенное влияние символизма на Клюева, современный исследователь отмечает, что главным для его ранней лирики было «возвращение к мотивам языческой славянской мифологии и первобытных сил, проявляющихся в связи с природой» (Казак: 55).

Клюев в дневниковых записях довольно резко реагирует на обвинения своего друга и наставника: «И если разные Городецкие с длинным языком, но коротким разумом, уверяют публику, что я родился из Блока, то сие вытекает от скучного и убогого сердца, которого не посещала любовь, красота и Россия как песня». Клюев отмечает, что стихотворения сборника «Сосен перезвон» написаны сознательно по-блоковски, «а не оттого, что я был весь пронизан его стихотворной правдой <...> Городецкий супротив Блока – просто-напросто вонючий мещанишко, настолько опустошенный, что и сказать нельзя» (цит. по: Словесное древо: 57).

Во время Первой мировой войны Городецким овладели шовинистические настроения. В пропагандистской военной риторике писатель усмотрел символ некоего единения русского народа и интеллигенции. «Я был захвачен ура-патриотическим угаром», – вспоминал он позднее. Ярким примером этого «угара» является сборник «Четырнадцатый год». Однако эти настроения и «барабанные» военные стихи привели Городецкого к «ссоре с передовой русской литературой». Разочаровался он и в своих мечтах о единстве славянских народов. Осенью 1916 г. Городецкий уезжает на Кавказ корреспондентом газеты «Русское слово».

В 1920 г. Клюев еще сохранял теплые чувства к Городецкому. Летом этого года он отправляет письмо Городецкому, который только что вернулся в Петроград из Баку: «Прочел в газетах твои новые, могучие песни и всколыхнулась вся внутренняя <так в копии. – С.Б.> моя. Обуяла меня нестерпимая жажда осознать тебя, родного, со страдной душой о новорожденной земле и делах ее. Приветствуя тебя от всего сердца и руки к тебе простираю: не забудь меня! Так много пережито в эти молотобойные, но и слепительно прекрасные годы. <...> Волнуешь ты меня своим приездом – выйдет ли твоя книга “Нефть” и где? Видел ли ты мой “Песнослов”?» (Цит. по: Словесное древо: 251).

По прошествии многих лет знакомства и тесного сотрудничества с Клюевым Городецкий во втором номере журнала «Новый мир» за 1926 г. дает следующую характеристику крестьянскому «самородку»: «Чудесный поэт, хитрый умник, обаятельный своим коварным смирением, творчеством вплотную примыкавший к былинам и духовным стихам севера, Клюев, конечно, овладел молодым Есениным, как овладевал каждый из нас в свое время» (Городецкий 1926: 138). Через всю статью проходит линия негативного отношения к Клюеву как к человеку и поэту, на которого возлагались большие надежды, но он их не оправдал. «Будучи сильнее всех нас, он крепче всех овладел Есениным. У всех нас после припадков дружбы с Клюевым бывали приступы ненависти к нему. <...> Тем не менее, Клюев оставался первым в группе крестьянских поэтов» (Городецкий 1926: 138). После первой встречи с Есениным Городецкий нарисовал его портрет и повесил рядом с «любимым» Аполлоном Пурталесским и им же «нарисованным страшным портретом Клюева». Сложно судить о том, как в действительности выглядит Клюев на том портрете. Оба изображения пропали вместе с архивом, как указывает Городецкий. Однако пропавший портрет Есенина можно разглядеть на фотографии обоих поэтов, снятой распорядителем общества «Страда» М.П. Мурашовым на квартире Городецкого в Петрограде. Ранее, в 1913 г. Сергей Митрофанович зарисовал одно из заседаний «Цеха поэтов», на рисунке изображены М. Лозинский, М. Зенкевич, А. Ахматова и Клюев. Олонецкий поэт представлен здесь вполне благожелательно.

Помимо этого, автор статьи определил разницу между Клюевым и другими поэтами, творившими в народном стиле и интересовавшимися деревенской культурой: «Он был лучшим выразителем той идеалистической системы деревенских образов, которую нес в себе и Есенин, и все мы. Но в то время как для нас эта система была литературным исканием, для него она была крепким мировоззрением, укладом жизни, формой отношения к миру» (Городецкий 1926: 138).

Клюев был недоволен своим «портретом» в исполнении Городецкого. В письме к С.А. Клычкову от декабря 1926 г. он недоумевал, почему «Новый мир» вообще напечатал эту статью. «Я еще по<ка> не повесился и не повешен, и у меня есть перо и слова более резонные и общественно нужные, чем

статья Городецкого. Или “Новый мир” этого не допускает и считает мое убожество неспособным тягаться с такими витязями, как Городецкий? Или всё это вытекает из общего понимания, что шоферы нужнее художников?» (Цит. по: Словесное древо: 258).

В том же году, откликаясь на смерть Есенина, Городецкий писал в журнале «Советское искусство»: «Гибель Есенина совершенно расстроила ряды крестьянской поэзии. Он был самый сильный и самый талантливый, и все же он погиб на перевале от старого к новому. На плечи его товарищей по группе легла тяжелая и, кажется, непосильная задача продолжить начатое им дело. Старший его товарищ, Николай Клюев, не подает никаких надежд. Он целиком до сих пор поклоняется в иконах, лампадах и свечах. Изобразив в свое время Кремль как Китеж и увидев в Ленине “керженский дух”, он дальше не пошел, и ничего, кроме старых песен, мы ждать от него не можем» (Городецкий, 1926–2: 22–23). Здесь сказалось явное влияние рапповской идеологии, но, по мнению В.Г. Базанова, кос в чем Городецкий все же был прав: другие «крестьянские поэты не могли заменить Есенина».

Более Городецкий не обмолвится в печати о некогда своем самом близком друге. Он, как и многие другие, кто увлекался Клюевым, не нашел в нем своего союзника по перу и по литературному направлению. И Брюсов, и Блок, и Есенин разочаровывались в крестьянском поэте, не понимали его, а лишь увлекались его стихами и личностью на некоторое время.

Литература

- Азадовский К.М. Жизнь Николая Клюева. Документальное повествование / К.М. Азадовский. – Санкт-Петербург, 2002.
- Городецкий С.М. Сосен перезвон (Николай Клюев) / С.М. Городецкий // Речь. – 1911. – 5 (18 декабря).
- Городецкий С.М. Критические картины. Незакатное пламя / С.М. Городецкий // Голос земли. – 1912. – 10 (23) февраля.
- Городецкий С.М. Воспоминания о Блоке / С.М. Городецкий // Печать и революция. – 1922. – № 1.
- Городецкий С.М. О Сергеес Есенине / С.М. Городецкий // Новый мир. – 1926. – № 2.
- Городецкий С.М. Текущий момент в поэзии / С.М. Городецкий // Советское искусство. – 1926. – № 2.
- Казак В. Лексикон русской литературы XX века / Н.А. Клюев. – Москва, 1996.
- Клюев Н.А. Словесное древо. Проза / вступ. статья А.И. Михайлова; сост., подготовка текста и примеч. В.П. Гарнина / Н.А. Клюев. – Санкт-Петербург, 2003.
- Николай Клюев. Воспоминания современников / сост. П.Е. Поберезкина / Н. Клюев. – Москва, 2010.
- Ремизов А. Крашеные рыла. Театр и книга / А. Ремизов. – Берлин, 1922.